

деленное понимание смысла текста сквозь все туманы. Она мне говорила: «Там Марина описывает состояние, когда она поднимается в наиболее высокий слой *астрала* (то есть чувственного мира), но далее стучается головой о *ментал* (о сферу чистой мысли)...» Так что младшая Цветаева понимала поэму мистически и по-своему... Впрочем, заметим, что в книге сказано о первом впечатлении от поэмы, наш же с Анастасией Ивановной разговор состоялся годы и годы спустя.

Особенно ценно и важно то, что автор И. Фаликов дает и свой взгляд на крупные, основные с его точки зрения, поэтические, прозаические и драматургические произведения Марины Цветаевой. Он пристально всматривается в них. И стихи Цветаевой становятся яркими узелками на ткани биографии поэта.

Благодаря автору мы видим, как в плане жизни души для МЦ был важен и глубинно пережит диалог с ее корреспондентами: Пастернаком, Гронским, Штейгером, Вишняком. Как она была одинока и как душа ее была обуреваема жадной живого отклика: «*Наконец-то встретила / Надобного — мне: / У кого-то смертная / Надоба — во мне*». Этой «надобой» она и жила. Когда стала никому, в том числе и сыну Георгию, не нужна, а те, кому могла быть тогда нужна — сестра Ася, муж Сергей, дочь Ариадна, — были уже за колючей проволокой, вот тогда и свершилось непоправимое: она своей рукой оборвала нить собственной скитальческой жизни...

И. Фаликов показывает, как личность поэта ценна для мира. Ценна эмоциональная природа Личности, она не менее драгоценна, чем фактография, чем интересные подробности, связи, имена... Событийный план у Фаликова тоже явлен достоверно. Пунктирно даны и исторический, и эпохально-событийный слои жизни. Нельзя сказать, что образ и лик поэта поданы вне эпохи, путь МЦ проявляется на конкретном, прописанном отдельными штрихами фоне эмоционально окрашенных, заповедных поэту подробностей и примет.

Книга Ильи Фаликова обогатила мировое цветаяведение опытом биографии, в которой естественно встретились правда о жизни поэта с вдумчивым, документально подтвержденным анализом, идущим по следам своевольной, трагической и обреченной судьбы Марины Цветаевой.

Станислав АЙДИНЯН

НЕИССЯКАЕМЫЕ СЮЖЕТЫ

Алексей Балакин. Близко к тексту: Разыскания и предположения: [статьи 1997–2017 годов]. СПб.: ООО «Издательство „Пальмира“»; М.: ООО «Книга по Требованию», 2017. — 357 с.: ил.

Любая наука богата неразрешимыми или трудноразрешимыми проблемами. Автор книги «Близко к тексту» литературовед Алексей Балакин предпочитает называть проблемы сюжетами. С таким подходом работать гораздо интереснее и, как мы увидим ниже, результативнее. Сравнивая себя с сыщиком, Балакин обозначает интригу, набрасывает сюжет и приступает к расследованию. Это кропотливый процесс, однако на выходе мы получаем четкие ответы, если, разумеется, их удастся выявить. Чаще всего удается. Доказательство тому — книга, в которой собраны статьи о творчестве Пушкина и ряда других литераторов XIX века; не обойден вниманием и век XX, он представлен любопытнейшим исследованием о путешествиях писателя Юрия Казакова по Русскому Северу. Есть здесь и своего рода изюминка: в сборнике впервые за всю историю отечественной литературы напечатана поэма А. Ф. Воейкова «Искуства

и науки». О том, что побудило Балакина пойти на столь неожиданный шаг, мы еще поговорим, а пока давайте внимательно вчитаемся в его сюжеты.

«Понять смысл темной фразы в письме, найти даты жизни канувшего в Лету литератора, обнаружить настоящего автора стихотворения, которое более ста лет входило в сборники другого — вот цель и смысл работы историка литературы, его профессиональное счастье».

Это слова автора книги. А вот и первый (и, возможно, самый любопытный) его сюжет. Перед нами стихотворение «Вишня» — в сознании многих характерный образец эротической поэзии Пушкина. Впрочем, для более искушенных читателей уже давно не секрет, что авторство «Вишни» до сих пор не установлено. Парадокс же заключается в том, что именно «Вишня», как правило, становится первым «пушкинским» стихотворением, с которым мы знакомимся еще в детстве. Как получилось, что первые строфы этого текста прочно укоренились в нашем сознании, вошли в десятки детских хрестоматий и вдохновили многих композиторов на создание песен? За всем этим стоит конкретный человек, чье имя и называет автор книги, развивая свой сюжет и доводя его до логического конца.

А вот еще одна интрига. В поэме «Граф Нулин» персонаж превозносит французского актера Потье. Мы привыкли воспринимать это как должное: дескать, говорит он о нем с восторгом, и ничего удивительного здесь нет. Между тем Нулин берет свои восторги отнюдь не с потолка. Его высказывание имеет под собой богатую традицию, которую в 10-х годах XIX века заложил не кто иной, как граф Раstopчин. Анекдот о Раstopчине и актере Потье передавался из уст в уста; читатель позапрошлого столетия сразу угадывал эту подоплеку, однако нам для прояснения темного места требуется пространный комментарий, представленный в виде увлекательной статьи.

А что удалось выяснить насчет пушкинского круга? В этом отношении показателен сюжет, остроумно названный «Александр Сергеевич Пушкин и его тетушка». (Его также можно было назвать «Повесть о том, как поссорился Василий Львович с Александром Сергеевичем».) Анна Львовна Пушкина, тетка поэта по отцовской линии, ничем особым себя не прославила. Однако ее смерть послужила началом к небольшой семейной ссоре, вспыхнувшей между поэтами В. Л. Пушкиным и А. С. Пушкиным. Излагать всю историю в рамках рецензии нет смысла, однако подытожить ее можно с помощью весьма метких эпитетов, подобранных автором: «сентиментальный дядюшка и колкий племянник».

Упомянуто и о более серьезной размолвке, вернее, настоящей литературной войне. Речь, разумеется, идет о Фаддее Булгарине. Конфликт намечился сразу же после выхода пушкинской «Полтавы». Так получилось, что роман Булгарина об Иване Выжигине раскупался публичкой с большей охотой. Сам Булгарин прекрасно это видел и не преминул сделать выпад против Пушкина в печати. Однако отнюдь не Булгарин бросил в поэта первый камень. К тому времени отрицательные отзывы стали появляться в журналах спонтанно, и исходили они подчас от лиц, несколько не заинтересованных в конкуренции с Пушкиным. И это еще один сюжет, который разрабатывает Балакин.

Что касается сюжетов, не связанных с Пушкиным, то здесь следует выделить историю о двух забытых поэтах, чьи имена до поры можно было увидеть лишь в одном из стихотворений Некрасова: «И, может быть, проснется Шарш / И отзовется Печенегов!..» Что касается Печенегова, то на сегодняшний день о нем так ничего и не известно. Однако автору книги удалось собрать сведения о человеке, которого Некрасов назвал Шаршем. Фактов набралось с лихвой, и теперь биография Петра Якимовича Шаршавого сделалась всеобщим достоянием.

Наверное, нужно как-то объяснить, почему в книгу со столь занимательными сюжетами попала поэма А. Ф. Воейкова «Искусства и науки» — быть может, она кому-то видится здесь чужеродным элементом? Конечно же, это не так. Дело в том, что более десяти лет А. Балакин готовил к выходу научное издание текстов Воейкова. Он слыхал черновики, проводил время в архивах — словом, занимался кропотливой литературоведческой работой. Издание планировалось, но так и не вышло (будем надеяться, что оно еще появится). Между тем поэма «Искусства и науки» уже была выверена, и нужно было ее напечатать. Потому-то она и попала в сборник статей как подтверждение тому, что профессиональные филологи блестяще работают не только над собственными научными текстами, но и восстанавливают тексты, которые, казалось бы, канули в небытие.

Еще со студенческих лет А. Балакин регулярно ездит в научные экспедиции в северные районы России. Это старая филологическая привычка — экспедиции чаще всего посвящены сбору русского фольклора. Так случилось, что Балакину удалось проехаться по маршруту писателя Юрия Казакова, который посвятил Русскому Северу немало замечательных произведений, среди которых выделяется «Северный дневник». Именно этот факт, а также давняя любовь к творчеству Казакова побудила автора написать большую статью, в которой он рассказывает о том, что сегодня происходит с местами, некогда воспетыми Казаковым. Не обойдены вниманием и люди Севера. Балакину удалось выяснить, что случилось с героями «Северного дневника»; могилы некоторых из них он посетил, обходя местные кладбища; также он разговаривал с теми, кто сохранил в памяти лица и характеры ушедших предков.

Статья о Русском Севере несколько выбивается из корпуса работ Балакина, ее можно назвать путевым очерком, однако она удивительным образом дополняет книгу и придает ей почти мистическое очарование.

Таков этот сборник. В рамках рецензии не удалось упомянуть обо всех сюжетах и интригах, собранных автором, но этого и не нужно делать. Запас сюжетов неиссякаем, особенно если за дело берется одержимый (в хорошем смысле слова) человек. Автор книги несомненно таков. Ему удалось раскрыть несколько интереснейших тайн, и он не собирается останавливаться. Это ли не лучший повод для того, чтобы вновь войти в библиотеку и начать разрабатывать новый сюжет?

Виталий ГРУШКО